

Burns D. M. Apocalypse of the Alien God: Platonism and the exile of Sethian Gnosticism. Philadelphia: University of Pennsylvania press, 2014. 321 p.

Вышедшая в 2014 г. книга «Апокалипсис чуждого Бога: платонизм и изгнание сифианского гностицизма» представляет интерес по ряду причин. Во-первых, ее автор Дилан М. Бёрнс, ныне работающий в берлинском Фрай университете, является представителем молодого поколения исследователей, сформировавшихся под влиянием центра «Истории герметической философии и связанных с ней течений». Получив бакалаврскую степень в Америке, он поступил в религиозоведческую магистратуру Амстердамского университета, закончив которую, продолжил свое образование в Йельском университете, где в 2011 г. защитил докторскую диссертацию, легшую в основу рецензируемой книги. Кроме того, Бёрнс стал основателем «Сети по изучению западного эзотеризма в античности» (Network for the Study of Esotericism in Antiquity)¹, вошедшей в структуру Европейского общества исследователей западного эзотеризма. Сама идея использовать словосочетание «западный эзотеризм» применительно к гностицизму, герметизму и иным течениям эпохи Античности также принадлежит ему². Кроме того, Бёрнс является организатором ряда конференций, целью которых стало изучение трансформации идей античного гностицизма в современных религиозных течениях.

Во-вторых, рассматриваемая книга — своего рода вызов сложившемуся в современной науке консенсусу, согласно которому апокалиптическая литература сифианского гностицизма считалась выражением академической греческой философии среднего платонизма, таким образом, сифианская апокалиптика рассматривалась как платонизированная апокалиптика, именно против этой идеи и выступил Бёрнс. Вот как он характеризует цель своей работы: «...локализация сифианской традиции (включая платонизированные трактаты) в рамках спектра иудео-христианства и ее [традиции] катализирующего эффекта, выразившегося в фиксации и закрытии платонической традиции» (с. 154). Эта задача лучше осуществима посредством «краткого представления гипотетической истории сифианских гностических традиций и их взаимодействия с неоплатонизмом» (с. 154).

Прежде чем переходить к анализу содержания книги, нужно сказать пару слов об анализируемом в ней материале. Сифианский гностицизм являлся одним из основных (наряду с валентинианством) гностических течений II–III вв., центральной фигурой мифологии которого стал третий сын Адама и Евы Сиф (отсюда и название течения), воспринимаемый в роли духовного наставника и спасителя человечества, являвшегося в мир в виде множества образов, в част-

¹ URL: <https://ancientesotericism.org/>

² В частности, на четвертой конференции Европейского общества исследователей западного эзотеризма Бёрнс выступил с докладом, в котором обосновал возможность такого расширения границ термина. Напомним, что определение западного эзотеризма, предложенное В. Ханegraаффом, предполагает его генезис в синкретизме эпохи Возрождения и изначально не подразумевает включение в свои рамки учений, возникших до XIV в.

ности и в образе Христа. Учение сифиан отчасти было пересказано ранними христианскими авторами и дошло до нас в ряде сочинений, среди которых принято выделять корпус поздних откровений-апокалипсисов: Зостриан, Аллоген, Марсан и Три стеллы Сета. Именно последние тексты — центральные для «Апокалипсиса чуждого Бога».

Стиль книги Бёрнса лаконичный, можно даже сказать аскетичный. В ней полностью отсутствует отдельное заключение, а введение лишь отчасти знакомит читателя с общей проблематикой исследования и полунамеками указывает на основную задачу, заключающуюся в пересмотре устоявшихся взглядов на сифианскую апокалиптику. В полноте замысел книги можно понять только по прочтении всего текста, каждая глава которого ненавязчиво, но упорно проводит основную линию аргументации автора. Текст книги разделен на семь глав.

В первой главе Бёрнс описывает культурную и философскую ситуацию II–III вв., знакомит читателя с философией второй софистики и очерчивает круг проблем, характерных для неоплатонизма. В течение всей главы проводится мысль о прямой связи философских школ как социальных объединений с государственным строем и официальным культом, отмечается политическая роль философии как культурно-образовательного базиса, воспитывающего душу и отличающего человека греко-римской культуры от варвара. Варварская мудрость в таком контексте признается лишь тогда, когда она не идет вразрез с основными нормами пайдеи и государственного строя, тогда, когда ее можно эллинизировать.

Вторая глава посвящена известному трактату Плотина «Против гностиков». Плотин вынужденно написал философское опровержение гностицизма, поскольку его «друзья» (по предположению Бёрнса философы-ученики из его школы) были заражены этим учением. Бёрнс суммирует аргументы греческого философа против космологии, сотериологии и антропологии гностиков, фактически отождествив абстрактных героев Плотина с сифианами. Ключевым аргументом в этом анализе служит мысль о том, что Плотин критикует гностиков, потому что они предлагают чуждое эллинскому духу учение, таким образом критика философа становится не только идейно-философской, но и социально-политической. Как замечает Бёрнс: «Для Плотина греческая традиция подчеркивает единство космоса со всем человечеством, он хочет защитить традиционный гражданский греческий культ, который устранен этими исключительными требованиями спасения... такие требования предполагают несвязную психологию, делая неприемлемое различие между “истинными” избранными душами и ложными не избранными “отражениями” душ. Напротив, для Плотина спасение универсально доступно для всех тех, кто усваивает нормы греческого образования... критика Плотина может подразумевать каких-то конкретных гностиков, но она расширяется на всех тех, кто предьявляет характерную для авраамической религии претензию, на то, чтобы быть избранными, людьми Божиими, с особым и исключительным откровением от Него, которое заставляет их отклонять традиционное благочестие» (с. 41–42). Таким образом, принятие и отвержение идей связывается с социокультурными причинами, согласно Бёрнсу, именно из-за нейтральности в этом отношении герметических трактатов и халдейских

оракулов последние были приняты неоплатонической философской традицией, тогда как активная претензия на эксклюзивность гностических и христианских текстов вызвала их отторжение.

В третьей главе автор анализирует центральные тексты сифиан, разбирая их язык, мифологические образы, общие темы. Здесь Бёрнс развивает мысль Плотина, что гностики используют иной, отличный от греческой философии, стиль писания текстов. На протяжении всей главы автор демонстрирует не философский, а религиозный характер сифианских текстов, подчеркивая их близость с межзаветной иудеохристианской традицией, ранним иудейским мистицизмом (мистика Меркавы и литература Хейхалот) и ранними христианскими произведениями. Таким образом, платонизированная апокалиптика сифиан, по Бёрнсу, становится производной от иудео-христианской традиции.

Главы 4 («Вознесение») и 5 («Нисхождение») развивают мысль третьей главы и подробнее рассматривают эсхатологические представления сифиан и их сотериологию. Термины, давшие названия главам, — неслучайны, один из ведущих специалистов по сифианскому гностицизму Джон Тёрнер предложил делить сифианские тексты на два типа: тексты вознесения (платонизированные и созерцательные) и тексты нисхождения (апокалиптические и исторические). Бёрнс опровергает саму идею такого деления, предлагая рассматривать все тексты сифиан в едином ключе, как выражение их религиозных представлений, сформировавшихся под влиянием не платонизма, а иудео-христианства. Так, идею Сифа как космического спасителя, нисходящего к людям в различных формах на протяжении истории, Бёрнс напрямую связывает с христианской сотериологией, а самоопределение сифиан как избранной божественным проведением группы — с израильским представлением об избранном народе и христианским образом «малого стада». Как следствие, и эсхатологические представления сифиан о личном и мировом эсхатоне коренятся не в неоплатонической метафизике, а в переосмыслении авраамической религиозности. Бёрнс категорично проводит мысль, что философские представления неоплатоников чужды конкретному религиозному опыту гностических, иудейских и христианских групп эпохи.

Именно раскрытию представлений о религиозном опыте, выразившемся в ритуальной практике сифиан, и посвящена шестая глава книги. В ней автор подробно рассматривает ритуалистику сифиан: практики, связанные с ангелификацией адепта, загадочный ритуал «Пяти печатей», не имеющий устоявшегося толкования среди ученых. Здесь вновь Бёрнс проводит сопоставления с иудео-христианскими ритуалами и таинствами, в частности с крещением. Ритуал «Пяти печатей» он интерпретирует как освящение пяти чувств человека, а ангелификацию предлагает понимать в переносном ключе, часто упоминая «ангельский образ жизни» христианских монашеских общин.

Заключительная, седьмая, глава является подведением итогов, в ней автор предлагает гипотезу формирования поздних сифианских текстов. По его мысли, они возникли из общего для иудеев и христиан культурного фона и впитали в себя все ключевые темы эпохи. Поскольку назначение апокалиптики напрямую связано с религиозным опытом и религиозной практикой, то в своей основе эти тексты также религиозные, а философскую окраску им придают условия воз-

никновения. По мысли Бёрнса, рассматриваемые тексты были хорошо знакомы в школе Плотина, и именно их имел в виду греческий философ, когда писал «Против гностиков». Более того, автор предполагает, что сами эти тексты были написаны учениками Плотина, равно хорошо знавшими современную иудео-христианскую мысль и философию своей школы, с подачи Порфирия против них было начато гонение, одним из следствий которого и стал известный трактат «Против гностиков».

Своей книгой Бёрнс бросает вызов специалисту по культуре античности и гностицизму Джону Тёрнеру, который, в частности, и предложил концепт платонической апокалиптики поздних сифианских текстов. По всей видимости, «Апокалипсис чуждого Бога» смог достаточно убедительно и аргументированно обосновать позицию Бёрнса. В рецензии на книгу Бёрнса Тёрнер почти не высказал серьезных критических замечаний, сославшись лишь на недостаточность прояснения отдельных аспектов сифианского учения и на малую проработку Бёрнсом ряда спорных вопросов, при этом завершив рецензию словами: «Тем не менее из этой превосходной книги многое можно узнать ...»³.

Со своей стороны, мы также хотим порадоваться появлению столь высококвалифицированной и аргументированной работы по теме позднего гностицизма. «Апокалипсис чуждого Бога» можно с уверенностью рекомендовать религиоведам, философам, историкам, филологам и всем читателям, интересующимся поздней Античностью и историей религии. К сожалению, отечественные авторы далеко не всегда могут похвастаться успехами в данной сфере.

Носачев Павел Георгиевич

(канд. филос. наук, НИУ ВШЭ; pavel_nosachev@bk.ru)

Primacy in the church: the office of primate and the authority of councils. Vol. 1: Historical and theological perspectives / J. Chryssavgis, ed. Yonkers, New York: St Vladimir's Seminary Press, 2016. 448 p.

Вышедший отдельно первый том двухтомного собрания статей, посвященных первенству в Церкви, решительно разочаровывает своим содержанием. Книга не несет в себе фактически ничего нового и оригинального: часть вошедших в нее статей ранее уже публиковались, еще часть статей воспроизводят идеи, озвученные теми же авторами в других работах. В целом при знакомстве со сборником создается ощущение, что в руках читатель держит не результаты свободного и творческого богословского поиска, а тщательно продуманную пропагандистскую брошюру. Те несколько статей, которые явно выбиваются из общей направленности книги (отца Джона Бэра, отца Николая Денисенко, П. Вальера и К. Каппеса), по всей видимости, включены в него с целью несколько завуалировать его откровенно заказной характер.

³ Turner J. D., Burns D. M. Apocalypse of the Alien God, Platonism and the Exile of Sethian Gnosticism // The Ancient History Bulletin. URL: <http://ancienthistorybulletin.org/wp-content/uploads/2014/09/AHBRReviewsTurnerOnDylan.pdf> (дата обращения: 18.09.2016).